

СГОРЕЛИ ЛИ НА ЛУБЯНКЕ ПИСЬМА БЛОКА?

История книгоиздателя и коллекционера

Наверное, нет надобности объяснять, что каждое вновь обнаруженное письмо Александра Блока — событие исключительное. А если сразу — четырнадцать?! Целая коллекция!..

Евграф Кончин

ИМЯ КНИГОИЗДАТЕЛЯ Викентия Пашуканиса (иногда пишут Пошуканис), владельца издательства поэтов-символистов «Мусагет», в литературных кругах в предреволюционные годы было хорошо известно. Родился он в Москве в 1879 г. в семье крупного чиновника — статского советника. Окончил в 1902 г. математический факультет Московского университета. Однако точным наукам предпочел хлопотную работу в издательстве «Мусагет», организованного А. Белым и Э. Метнером. Уговорил Викентия Викентьевича заняться издательским делом его друг Андрей Белый. И он не пожалел. «Мусагет» стал судьбой Пашуканиса. Вначале он был ответственным секретарем издательства, а с 1907 г. — его владельцем. Опять-таки уговорили его «поруководить» Андрей Белый и Метнер, которым захотелось «переложить» непосильную ношу на крепкого, обязательного и добросовестного человека. Кстати, с тех пор Пашуканис свою профессию с нескрываемой гордостью писал — «библиотекарь».

Деятельность издательства была обширной и весьма разнообразной. В мои руки попался каталог «Мусагета» за 20 ноября 1913 г., в котором предлагались к продаже книги, им выпущенные за 1910—1912 гг. Их очень много. Назову лишь «Символизм», «Арабески» и «Трагедия творчества» Белого, «Собрание сочинений» и «Ночные часы» Александра Блока, «Русские символисты» и «Книга стихов» Эллиса, «Собрание сочинений» Зинаиды Гиппиус, «Размышление о Гете» Метнера, «Борозды и межи» Вячеслава Иванова, «Рихард Вагнер и Россия» Сергея Дурьинова, «Цветник царевны» Сергея Соловьева, переводы произведений Стендала, Гюго, Ж. Орсье, И. Тэна, Р. Вагнера, Ю. Словацкого, Ш. Бодлера... «Мусагет» также выпускал Международный ежегодник по философии культуры «Логос» и двухмесячный журнал «Труды и дни».

Пашуканис связывали дружеские отношения с Белым, Блоком, Гиппиус, Ивановым, Северяниным, Брюсовым и другими поэтами. Его фамилия встречается в воспоминаниях Белого, в «Дневниках» и переписке Блока. В 1914—1918 гг. Александр Александрович отправил Пашуканису четырнадцать писем, которые были не просто короткими деловыми посланиями. Но в них он высказывал свое суждение о произведениях знакомых им литераторов, в частности Андрея Белого, касался ряда других литературных тем. Где же эти письма Александра Блока, бесценные для отечественной литературы? До сего времени это остается тайной. Но, быть может, факты, связанные с их исчезновением, что-нибудь прояснят или, по крайней мере, вселят крохотную надежду найти их, подскажут пути их поиска, поспособствуют возникновению хотя бы робкого огонька в конце, казалось бы, безысходного тоннеля?

В 1917 г. «Мусагет» закрыли, а следующим летом Пашуканис становится сотрудником Музейного Отдела Народного Комиссариата Просвещения и по совместительству помощником ученого секре-

таря Румянцева музея, что в те годы было обычной практикой.

Но на обеих своих должностях он занимался одним и тем же делом — сохранением историко-художественных и книжных ценностей, вывозом их из национализированных усадеб в Москву, чаще всего в Румянецкий музей. «Можно без преувеличения утверждать, что крупнейшие музеи и библиотеки Москвы и ряда других городов именно ему обязаны своими богатейшими коллекциями книг, рукописей, фамильных архивов, художественными собраниями. Но кто ныне об этом знает?..

Судьба отпустила Пашуканиса всего около года. Словно предчувствуя страшный свой рок, он рабо-

баснословную цифру! В более поздние времена за такие заслуги давали Героя Советского Союза, но Пашуканиса тоже «вознаградили»...

В декабре 1919 г. Викентия Викентьевича арестовали по обвинению в принадлежности к антисоветскому «Национальному Центру», и дальнейшая его участь до недавнего време-

какие-нибудь основания? Были, Викентия Викентьевича пытались спасти...

В той же папке я обнаружил телефонограмму заведующей Музейным Отделом Наркомпроса Натальи Троцкой, направленную в Особый Отдел ВЧК, в которой она настаивала на освобождении Пашуканиса под поручительство Румянцева Музея. Она утверждала,

что Пашуканис является ценным специалистом, занятым выполнением очень важных заданий Наркомпроса. Конечно, в ВЧК на такие просьбы обычно не обращали никакого внимания, но с Троцкой они не могли этого позволить. Ведь она была женой второго человека в государстве, всеильного Председателя Революционного Совета Республики Троцкого. Хотя руководители ВЧК и не подчинялись ему и открыто его

недолюбливали, но ссориться с ним или с его женой не хотели. Но, вероятно, было уже поздно — Пашуканиса расстреляли. Чтобы скрыть злодейство, и были изъяты документы о приговоре и его исполнении. Поэтому и было сообщено в Наркомпрос о том, что Пашуканис, дескать, умер в тюрьме 20 января 1920 г. от сердечного приступа.

...Вернемся к переписке Викентия Викентьевича, к судьбе его богатой библиотеки. Она, судя по бумагам «дела», была просмотрена чекистами, и ничего компрометирующего Пашуканиса в ней не обнаружено. Пять ящиков с книгами и перепиской были оставлены на квартире Пашуканиса. Ландер, понимая, что его обвинения рассыпаются, добавляет еще «криминал», на этот раз связанный с... этими книгами.

Вот как Ландер их «обгрызает». Привожу его запись из обвинительного заключения: «Пашуканис собирал старинные книги, гравюры и т.д., которые он мог достать, как член Музейного Отдела, и делал это в целях личной наживы. Он

торговал книгами, которые должен был сдать в музей или библиотеку». Поразительно, что эти обвинения относятся к человеку, который спас и передал государству около ста пудов золота и серебра, не считая сотен картин, гравюр, скульптур, изделий прикладного искусства, тысячи и тысячи книг и рукописей. Какая вопиющая ложь и несправедливость!

Следователь сознательно игнорировал общеизвестный факт — Пашуканис являлся владельцем крупного издательства и мог торговать книгами, в нем выпущенными. Он нигде не упоминает и о том, что Пашуканис имел и собственную богатую библиотеку, в которой были и старинные книги, и старинные гравюры и т.д. Ландеру нужен был смертный приговор...

Ну а книги, которые столь чудовищным образом стали основанием для гибели человека, так их любившего? Какова их судьба? Очевидно, были уничтожены в подвалах Лубянки, как и их обладатель? Нет, они не были сожжены, как я вначале предполагал. Доказательство тому я нашел много позже в архиве Ленинской библиотеки, в «личном деле» выдающегося ученого-книговеда профессора Николая Киселева. Я обнаружил черновые наброски мандатов от 12, 16 и 21 января 1920 г. Кстати, обратите внимание на числа. По ним выходит, что уже к 12 января Пашуканиса не было в живых, поэтому никак не мог умереть от сердечного приступа... 20 января!

В мандатах сказано: «Выдан Ученой Комиссией Государственного Румянецкого Музея заведующему общим отделом Н.П. Киселеву для осмотра и вывоза в музей имущества, и прежде всего ценной библиотеки и других ценных бумаг, арестованного помощника Ученого секретаря В.В. Пашуканиса, находящегося на Большой Никитской в доме 27...»

Уж кому-кому, как не Николаю Петровичу Киселеву, было знать о библиотеке Пашуканиса! Ведь он был близким другом Викентия Викентьевича, часто бывал в его доме, ибо являлся внештатным сотрудником «Мусагета». Встретился мне в переписке Киселева в 1909—1910 гг. посланная к Викентию Викентьевичу с самыми теплыми, сердечными словами «Крепко Вас обнимаю и целую». А в 1918 году именно по его ходатайству Пашуканиса приняли на работу в Румянецкий музей. И вот теперь Киселеву приходится перевозить в музей эти столь ему знакомые, но уже «бесхозные» книги, выполнив тем самым последний долг перед своим другом.

Но возвращаясь к судьбе переписки Пашуканиса, прежде всего к письмам Александра Блока, — уцелели ли они? После долгих поисков мне удалось еще в семидесятые годы отыскать дочь Пашуканиса — Ариадну Викентьевну, ныне покойную. Правда, первой ее реакцией на мой звонок было удивление, испуг — как-никак она была дочерью «врага народа». Еле-еле ее разговорил, пообщав нигде не упоминающую о ней. Сейчас уже можно об этом сказать.

— Куда подевалась переписка вашего отца, например, письма Блока, других поэтов, литераторов? Они были конфискованы и уничтожены в ВЧК?...

— Может быть, какая-то их часть, но далеко не все. Многие из переписки отца было вместе с его книгами перевезено в Ленинскую библиотеку. Кто-то мне об этом говорил, но сейчас уже не помню. Давно это было — еще до войны. Нет, вспомнить не берусь — лет-то сколько мне!

— Может быть, от Николая Петровича Киселева вы слышали о письмах Блока?

— Да, я была с ним знакома. Возможно, он и говорил мне о переписке отца. Но точно — не скажу...

Поэтому не исключено — переписка Пашуканиса, в том числе и письма Александра Блока, могли попасть в какие-нибудь библиотечные архивы без указания их отправления и получателя. Это мое предположение, понимаю, весьма хлипкое. Один шанс из тысячи. Из десяти тысяч. Но речь-то идет о письмах Блока!..

Дворец Паскевича-Эриванского в Гомеле.

Интерьер одного из залов дворца Паскевича.

тал с какой-то лихорадочной поспешностью. Так, вывез в Румянецкий музей библиотеку Жиро, историко-художественные собрания и библиотеки из имения графини Уваровой — Карачарово, из усадьбы графов Паниных — Марфино, из Покровского — Герценов, из поместья Глебово-Раек Тверской губернии, из знаменитой усадьбы Премухино — Бакуниных близ города Торжка. С огромнейшими трудностями доставил из прифронтовой полосы, спасая тем самым от расхищения и гибели огромные сокровища замка князей Радзивилл близ Бобруйска. В том числе огромную портретную галерею, коллекцию старинного оружия, архив и богатую библиотеку. А из гомельского дворца графа Паскевича-Эриванского под артиллерийским огнем с риском для жизни вывез в Москву огромную художественную коллекцию, старинную мебель, изделия из фарфора, хрусталя, бронзы, книги и рукописи, а также, что хочу подчеркнуть и что было отмечено в архивных документах, «около ста пудов золота и серебра». Вдумайтесь в эту

ни была неизвестной. В Архиве бывшего КГБ СССР мне удалось получить его «Дело» под номером Н-21904. Не буду перечислять записи допросов, очных ставок, которые проводил следователь, он же начальник Особого Отдела ВЧК К. Ландер. Грубо, нагло, беззастенчиво он буквально на пустом месте «шил дело» Пашуканису по обвинению в контрреволюционной деятельности. Работник генеральной прокуратуры, который просмотрел эту папку, высказался четко:

— Сплошная липа! Для какого-либо обвинения здесь нет никакого материала...

Однако Пашуканиса «тройка» ВЧК, состоявшая из таких же «ландеров», приговорила к расстрелу. Но меня поразило то, что среди документов не оказалось приговора, подписанного членами «тройки», акта об его исполнении — эти документы были обязательными для такого «дела». Похоже, что их довольно грубо изъяли из папки. Кто-то не хотел, чтобы они попались на глаза. Были ли к этому